

XXXVIII годъ изданія.

XXXVIII годъ изданія.

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

19 Мая 1914 года.

Тверской кафедральный соборъ.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ.

Годовая цѣна:

Безъ пересылки 4 р. 50 к.

Съ пересылкою 5 р. 50 к.

№ 20.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИ

Епархіальныхъ Вѣдомостей и у

мѣстныхъ благочинныхъ.

ЧАСТЬ ОФФИЦИАЛЬНАЯ

Распоряженія Епархіального Начальства.

Предложеніе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Серафима Тверской Духовной Консисторіи, отъ 12 мая сего года, за № 4076.

По дѣламъ Тверского Епархіального Управленія мною предоставляется на окончательное рѣшеніе и утвержденіе Преосвященнаго Викарія, Епископа Старицкаго, нижеслѣдующее:

1. Определеніе, перемѣщеніе и увольненіе діаконовъ и псаломщиковъ епархіи, кромѣ каѳедральнаго собора.
2. Посвященіе въ стихарь псаломщиковъ.
3. Разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ предназначеннымъ на мѣста діаконовъ и псаломщиковъ.
4. Увольненіе въ отпускъ діаконовъ и псаломщиковъ.
5. Дѣла по экзаменаціоннымъ комиссіямъ для определенія въ діакона и псаломщика и на должность учителя и учительницы церковныхъ школъ.
6. Завѣдываніе имѣющей открыться псаломщической школой.
7. Утвержденіе и увольненіе церковныхъ старостъ, кромѣ каѳедральнаго собора.
8. Предварительный просмотръ церковныхъ проповѣдей по г. Твери.
9. Всѣ дѣла по иновѣрческимъ приходамъ.
10. Разрѣшеніе всѣхъ обыкновенныхъ ремонтовъ церквей, часовенъ и др. церковныхъ построекъ, кромѣ каѳедральнаго собора и монастырей, не требующихъ особыхъ перестроекъ.
11. Разрѣшеніе на всупленіе въ бракъ въ тѣхъ степеняхъ родства, въ коихъ Святѣйшимъ Синодомъ предо-

ставлено разрѣшать, и въ тѣхъ случаяхъ, когда не достаетъ желающимъ всупитъ въ бракъ не болѣе полугода до совершеннолѣтія.

12. Всѣ дѣла метрическія.

13. Утвержденіе журналовъ всѣхъ духовныхъ училищъ, кромѣ Тверского, по дѣламъ учебнымъ, педагогическимъ и экономическимъ, кромѣ вопросовъ, такъ или иначе затрогивающихъ реформу учебныхъ заведеній.

14. Предсѣдательствованіе въ Братствѣ и завѣдываніе всѣми религіозно-нравственными и просвѣтительными чтеніями.

И, кромѣ того, 15. Предварительное разсмотрѣніе опредѣленій Консисторіи по дѣламъ слѣдственнымъ и суднымъ.

О семъ Духовная Консисторія имѣетъ доложить Его Преосвященству и напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію духовенства и прихожанъ и для направленія ими соотвѣтствующихъ бумагъ и прошеній Преосвященному Викарію.

Перемѣщенъ, согласно прошенію, на штатную діаконскую вакансію къ церкви села Рождества, что при Вьюлкѣ, Калязинскаго уѣзда, діаконъ, на псаломщической вакансіи, церкви погоста Троицкаго, что въ Березникахъ, того же уѣзда, *Сергій Аничкинъ*, 10 мая.

Назначенъ, согласно прошенію; и. д. псаломщика къ церкви села Медвѣжьей Горы, Бѣжецкаго уѣзда, послушникъ Тверского Успенскаго Отроча монастыря *Алексій Сусловъ*, 12 мая.

Посвященъ въ стихарь псаломщикъ церкви села Погорѣльцы, Корчевскаго уѣзда, *Ефремъ Ершовъ*, 4 мая.

Утвержденъ въ должности псаломщика исп. долж. псаломщика Спасской церкви г. Кашина *Владиміръ Лазаревъ*, 7 мая.

Исключается изъ списковъ, за смертію, и. д. псаломщика церкви Медвѣжьей Горы, Бѣжецкаго уѣзда, *Аристархъ Предтеченскій*, 6 мая.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА:

С в я щ е н н и ч е с к і я:

1) При церкви села Харитонова, Корчевскаго уѣзда, (свободно по 19-е мая) — душъ муж. п. 450, ц. з. 38 д., каз. жал. 300 руб., есть церковный домъ; 2) при церкви села Гнѣздова, Старицкаго уѣзда, (по 21 мая) — душъ м. п. 610, ц. з. 36 д., каз. жал. 300 руб., есть церковный домъ; 3) при Спасской церкви города Кашина, (по 21-е мая), — душъ муж. п. 72, ц. з. 17 д., каз. жал. 300 руб., церковнаго дома нѣтъ; 4) при Елизаветинской женской общинѣ, Зубцовскаго уѣзда, — священникъ содержится на монастырскія средства.

П с а л о м щ и ч е с к о е

при церкви села Троицкаго, въ Березникахъ, Калынинскаго уѣзда, — душъ муж. п. 856, ц. з. 48 д., каз. жал. 164 р. 64 к., церковнаго дома нѣтъ.

Отъ Правленія Краснохолмскаго духовнаго училища.

Правленіе Краснохолмскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что пріемныя испытанія для вновь поступающихъ въ первый классъ училища дѣтей, желающихъ держать таковыя предъ лѣтними каникулами, имѣють быть произведены, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Серафима, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, 4 и 5 іюня, по программѣ, отпечатанной въ № 14 Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1910 годъ.

Прошенія о приѣмѣ дѣтей въ училище подаются на имя смотрителя училища, съ приложеніемъ метрической выписи о рожденіи и крещеніи представляемаго къ испытанію и указаніемъ мѣста первоначальной подготовки къ обученію въ духовномъ училищѣ.

ПРОТОКОЛЫ

**сѣзда духовенства Ржевскаго училищнаго округа,
отъ 11—12 февраля 1914 года.**

№ 1-й. 1914 года февраля 11 дня. Сѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа, собравшись въ количествѣ 16 человекъ, послѣ молебнаго пѣнія съ участіемъ хора воспитанницъ и по провѣркѣ полномочій, приступилъ къ избранію предсѣдателя, дѣлопроизводителя и кандидатовъ къ нимъ, каковыми единогласно и были избраны слѣдующія лица: на должность предсѣдателя сѣзда священникъ Осташковскаго уѣзда, пог. Жукоты о. Петръ Шевелевъ и кандидатомъ къ нему священникъ Ржевскаго уѣзда, села Спась-Митькова о. Василій Казанскій; на должность дѣлопроизводителя—священникъ Осташковскаго уѣзда, села Кравотыни о. Сергій Лебелевъ и кандидатомъ къ нему священникъ Зубцовскаго уѣзда, села Никольской Пустыни о. Павелъ Прутенскій.—На семъ протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 13-го февраля 1914 года, за № 1715, послѣдовала таковая: „*Смотрѣно*“.

№ 2-й. 1914 года февраля 11 дня. Сѣздъ Ржевскаго окружного духовенства заслушалъ письменное заявленіе депутатовъ Ржевскаго уѣзда 4-го благочинническаго округа о. Василя Казанскаго и 5 округа, Старицкаго уѣзда, Іоанна Воскресенскаго, что ими на этотъ сѣздъ духовенства почему-то отъ о.о. благочинныхъ уполномочій не получено и просьбу о допущеніи ихъ—о. Казан-

скаго и о. Воскресенскаго для обсужденія подлежащихъ съѣзду вопросовъ, такъ какъ они—о. Казанскій и о. Воскресенскій избраны благочинническими съѣздами и утверждены Его Высокопреосвященствомъ,—о. Воскресенскій на 1913—14 и 15 годы депутатомъ на окружные и епархіальные съѣзды и о. Казанскій на эти же годы на окружный Ржевскій съѣздъ.

Съѣздъ Ржевскаго окружного духовенства, рассмотрѣвъ заявленія и просьбы о.о. Казанскаго и Воскресенскаго, постановилъ: просьбы о. Казанскаго и Воскресенскаго удовлетворить и просить Его Высокопреосвященство подтвердить о.о. благочиннымъ неукоснительно исполнять утвержденное Его Высокопреосвященствомъ постановление Ржевскаго окружного съѣзда 1913 года ноября 27 дня, выраженное протоколомъ за № 12.—На семъ протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 13 февраля 1914 года, за № 1716, послѣдовала таковая: *„Утверждается. Надлежаще засвидѣтельствованную копию сего протокола препроводить въ Духовную Консисторію для подтвержденія нижеупомянутымъ о.о. благочиннымъ на будущее время своевременно выдавать уполномочія о.о. депутатамъ Ржевскаго окружного съѣзда“*.

№ 3-й. 1914 года, февраля 11 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа, принимая во вниманіе, что рассмотрѣніе экономическаго отчета за 1913 г. удобнѣе произвести въ связи съ журналомъ Ревизіонной Комиссіи, постановилъ: рассмотрѣніе сего отчета отложить до представленія на рассмотрѣніе съѣзда вышеозначеннаго журнала.—На семъ протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 года, за № 1717, послѣдовала таковая: *„Смотрѣно“*.

№ 4-й. 1914 года февраля 11 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа слушалъ представленную ему смѣту по содержанію училища на 1914 г., обративъ особенное вниманіе на то, что указанная смѣта

Совѣтомъ сведена съ дефицитомъ въ 2182 руб. 47 коп.; съѣздъ вынужденъ былъ увеличенія ассигнованій по статьямъ расхода принимать съ крайней осторожностью и повысить, гдѣ возможно, цифры предполагаемыхъ поступленій по статьямъ прихода.

По ст. 1 п. 9 а) предполагаемую сумму поступленій уменьшить на 225 руб., ввиду того, что девять воспитанницъ, въ силу Синодальнаго опредѣленія, должны быть освобождены отъ платы за обученіе.

По пункту 9 б) той же ст. сумму поступленій за обученіе инословныхъ, въ силу протокола настоящаго съѣзда № 5-й, увеличить на 500 руб. Всѣ же остальные статьи прихода принять въ суммахъ, указанныхъ Совѣтомъ.

Смѣту расхода съѣздъ принимаетъ со слѣдующимъ измѣненіемъ: по ст. 1-й съѣздъ соглашается принять предложеніе Совѣта о повышеніи платы преподавателямъ съ высшимъ образованіемъ до 60 руб. за урокъ во всѣхъ классахъ училища, а въ томъ числѣ и въ 7-мъ классѣ.

По пункту 13-му той же ст. на вознагражденіе преподавателей за чтеніе письменныхъ работъ оставить ассигновку прошлаго года 275 руб. съ тѣмъ, чтобы означенная сумма дѣлилась между всѣми штатными преподавателями.

Пунктъ 4 статьи той же на выдачу квартирнаго пособія преподавателямъ, согласно протокола № 5 настоящаго съѣзда, изъ смѣты исключить.

По пунк. 15 и 16 на содержаніе воспитательницъ и ихъ помощницъ оставить ассигновку прошлаго года, при этомъ съѣздъ имѣетъ въ виду, что улучшенію ихъ матеріальнаго содержанія можетъ помочь тысяча рублей, отпускаемая исключительно на этотъ предметъ изъ средствъ Святѣйшаго Синода.

По пункту 19—23 той же статьи оставить ассигновки прошлаго года.

Пунктъ 24 о назначеніи содержанія члену Совѣта отъ преподавательной корпораціи за отклоненіемъ изъ смѣты исключить.

По пун. 1 ст. 2-й. вм. 180 ассигновать 162 р. и по п. 4 вм. 120 р.—108 руб.

По ст. 7 на учебныя пособія и руководства вм. 600 р.—500 руб. Всѣ же остальные статьи расходы принять въ суммахъ, указанныхъ Совѣтомъ. Такимъ образомъ весь расходъ по содержанію училища выразится въ суммѣ 37102 р. 67 к. На покрытіе его предполагается къ поступленію изъ разныхъ источниковъ 36930 р. 20 коп.

Съѣздъ при всемъ своемъ желаніи не былъ въ силахъ покрыть обычными ежегодными поступленіями смѣтнаго расхода и вынужденъ былъ образовавшійся дефицитъ въ 172 р. 47 коп. предложить Совѣту покрыть изъ остатковъ прошлыхъ лѣтъ, если онъ не покроется экономіей по статьямъ расхода настоящаго года.—На семь протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 года, за № 1718, послѣдовала такая: „*Утверждается*“.

№ 5-й. 1914 года февраля 11 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа, обсуждая вопросъ о назначеніи квартирнаго пособія преподавательницъ ариѳметики, природовѣдѣнія и методики ариѳметики въ 7 классѣ Любови Деминой, какъ штатной преподавательницъ, и принимая во вниманіе, что при разсмотрѣніи смѣты на 1914 годъ, жалованье преподавателямъ съ среднимъ образованіемъ увеличено до 50 рублей, а съ высшимъ—до 60 рублей, т. е. всѣмъ преподавателямъ, кромѣ преподавателей 7-го класса, какъ уже получающихъ по 60 рублей, увеличено жалованье по 10 рублей за урокъ и съѣздомъ принято, постановилъ: квартирное пособие, назначенное согласно условному протоколу Съѣзда 1911 года за № 6-мъ, отмѣнить и статью 14-ю изъ смѣты исключить.

Резолюція же на вышеозначенномъ протоколѣ Его Высокопреосвященства, отъ 15 января 1911 г. за № 375, таковая: „Съ такимъ условнымъ ассигнованіемъ можно согласиться только, какъ съ случайной выдачей, и при томъ въ размѣрѣ, не превышающемъ остаточной свободной суммы, и на то только время, когда не встрѣтится надобности въ возстановленіи параллельнаго отдѣленія“. — На семь протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 года, за № 1719, послѣдовала таковая: „*Утверждается*“,

№ 6-й. 1914 года февраля 11 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа слушалъ предложеніе члена училищнаго Совѣта объ устройствѣ больницы съ заразнымъ баракомъ на другомъ мѣстѣ, и, разсмотрѣвъ проектъ этого новаго зданія со смѣтою на постройку его въ 9000 руб., послѣ обсужденія и разсмотрѣнія сего проекта, постановилъ: Такъ какъ смѣта на представленный проектъ слишкомъ велика и содержаніе новой больницы потребуетъ отъ духовенства большихъ расходовъ на будущее время, проектъ на новую больницу, какъ непосильный для духовенства, съ трудомъ могущаго удовлетворять самыя насущнѣйшія потребности училища, отклонить. Въ случаѣ появленія среди воспитанницъ эпидемической болѣзни, войти въ соглашеніе съ администраціей земской больницы, или же подыскать временную частную квартиру. — На семь протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 года, за № 1720, послѣдовала таковая: „*Утверждается съ предложеніемъ Совѣту Ржевскаго епархіальнаго женскаго училища составить новый проектъ на капитальный ремонтъ и расширеніе существующаго больничнаго зданія, который могъ бы быть выполненъ безъ особеннаго обремененія денежныхъ средствъ церковей и духовенства мѣстнаго училищнаго округа*“.

№ 7-й. 1914 года февраля 11 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа обсуждалъ вопросъ о

введеніи въ училищѣ электрическаго освѣщенія и, принимая во вниманіе постановленіе прошлаго съѣзда, выраженного въ протоколѣ за № 4-мъ, и непредставленіе Совѣтомъ училища подробной, на оборудованіе сего дѣла, смѣты, постановилъ: не смотря на всю желательность его осуществленія, пока отклонить.—На семъ протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 г., за № 1721, послѣдовала таковая: „*Утверждается*“.

№ 8-й. 1914 года февраля 12 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа слушалъ Указъ Святейшаго Синода, отъ 28 февраля 1913 года за № 4-мъ, резолюцію Его Высокопреосвященства отъ 12 марта 1913 г., за № 2259, и прот. № 6-й того же съѣзда о введеніи при училищѣ курсовъ по сельскому хозяйству. Изъ представленной съѣзду Совѣтомъ училища объяснительной записки видно, что уроки по этому предмету не могутъ быть даваемы въ обычное время классныхъ занятій, почему Совѣтъ предлагаетъ дѣлать ихъ послѣ обѣда—въ то время, которое назначается для отдыха воспитанницъ. Съѣздъ опасается, что лишеніе воспитанницъ необходимаго отдыха можетъ вызвать переутомленіе и вредно отразиться на ихъ здоровьѣ. Въ то-же время съѣздъ полагаетъ, что одно теоретическое знакомство съ какой либо отраслью сельскаго хозяйства безъ практическихъ занятій едва-ли можетъ принести существенную пользу. Въ виду изложеннаго введеніе курсовъ и чтеній по сельскому хозяйству съѣздомъ временно отклоняется—На семъ протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 года, за № 1722, послѣдовала таковая: „*Утверждается*“.

№ 9-й. 1914 года февраля 12 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа разсматривалъ смѣту ремонта училищнаго зданія, представленную Совѣтомъ училища отъ подрядчика Левтѣева—Киселева, и нашелъ, что поставленныя въ этой смѣтѣ цѣны на всѣ

въ отдѣльности предметы ремонта слишкомъ повышены, а почему постановилъ: на весь ремонтъ училищнаго зданія отпустить одну тысячу (1000) рублей; при чемъ съѣздъ питаетъ полную увѣренность, что Совѣтъ училища въ дѣлѣ ремонта проявитъ должную бережливость къ училищнымъ средствамъ и на отпущенную сумму въ количествѣ 1000 руб. произведетъ всѣ нужные ремонты зданій.—На семь протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 года, за № 1723, послѣдовала таковая: „*Утверждается*“.

№ 10-й. 1914 года февраля 12 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа слушалъ словесный докладъ о.о. депутатовъ, бывшихъ на епархіальномъ съѣздѣ 1913 года и резолюцію Его Высокопреосвященства отъ 20 декабря того-же 1913 года о приобрѣтеніи сельца Знаменскаго и о переводѣ туда изъ г. Ржева Ржевскаго епархіальнаго училища со всѣми обслуживающими его учрежденіями.

Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Его Высокопреосвященства было предложено духовенству Ржевскаго училищнаго округа расширить общежитіе училища. Въ силу этого очередному окружному съѣзду 1913 года Совѣтомъ училища и былъ представленъ проектъ и смѣта такого расширенія. Проектъ этотъ, какъ имѣющій много дефектовъ, съѣздомъ не былъ одобренъ (протоколъ № 11 1913 г.), и Совѣту училища было поручено составить новый проектъ, который не имѣлъ бы недостатковъ перваго и представить его экстренному съѣзду, бывшему въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же 1913 г. Совѣтъ училища порученное исполнилъ и экстренному окружному съѣзду духовенства были представлены на разсмотрѣніе два новыхъ проекта, изъ которыхъ одинъ и былъ съѣздомъ одобренъ (прот. № 8 отъ 26 нояб 1913 г.); къ сожалѣнію, осуществленіе этого проекта требовало затраты очень крупной суммы (60 тысячъ руб.), которой въ распоряженіи

духовенства не имѣлось. Не было никакой надежды собрать ее изъ средствъ округа и въ будущемъ. Ища выхода изъ создавагося положенія, съѣздъ рѣшилъ войти съ особымъ ходатайствомъ къ епархіальному духовенству объ ассигнованіи вышеозначенной суммы духовенству Ржевскаго округа изъ общихъ епархіальныхъ средствъ. Къ глубокому прискорбію, это ходатайство Ржевскаго окружного съѣзда не было удовлетворено. Тверскимъ епархіальнымъ съѣздомъ 1913 года было отказано выдать безвозвратную ссуду въ указанномъ размѣрѣ. Въ это же время на епархіальный съѣздъ явился представитель владѣльцевъ сельца Знаменскаго и предложилъ Ржевскому училищному округу купить это сельцо со всеми зданіями, которыя, по его мнѣнію, будутъ вполне достаточны для помѣщенія въ нихъ училища со всѣми обслуживающими его учрежденіями. Приспособленіе этихъ зданій къ новому назначенію по составленному здѣсь же приблизительному подсчету потребуетъ расхода около 20 тысячъ рублей. Предложеніе это было доложено епархіальному съѣзду, и послѣдній согласился дать Ржевскому окружному духовенству безвозмездно 20 тысячъ рублей въ томъ случаѣ, если вопросъ о приобрѣтеніи сельца Знаменскаго будетъ рѣшенъ въ смыслѣ положительномъ. Настоящій окружной съѣздъ, сознавая всю важность этого вопроса и принимая во вниманіе полную его неразработанность, постановилъ просить училищный Совѣтъ разработать его болѣе детально, выяснивъ всѣ положительныя и отрицательныя его стороны и о результатахъ довести до свѣдѣнія всѣхъ отцовъ благочинныхъ для обсужденія на благочинническихъ съѣздахъ. При этомъ желательно было бы освѣщеніе этого вопроса и чрезъ мѣстный епархіальный органъ.—На семъ протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13-го февраля 1914 г., за № 1724, послѣдовала такая: „*Утверждается*“.

№ 11-й. 1914 года февраля 11 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа слушалъ предло-

женіе одного изъ членовъ училищнаго Совѣта о повышеніи платы за обученіе инословныхъ дѣтей въ размѣрѣ: въ младшихъ классахъ до 4-го на пять рублей съ 45 р. до 50, и въ слѣдующихъ старшихъ классахъ начиная съ 4 на десять руб.—съ 50 р., до 60 руб. и постановили: въ виду того, что плата за обученіе въ Ржевской женской гимназіи взимается болѣе повышенная—отъ 50 р. до 80 р., съ другой стороны, жизнь съ каждымъ годомъ становится все дороже, предложеніе члена Совѣта принять и плату съ инословныхъ до указанной нормы повысить, взимая съ 1-го января сего 1913 года.—На семъ протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 года, за № 1725, послѣдовала таковая: „*Утверждается*“.

№ 12-й. 1914 года февраля 11 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа имѣлъ сужденіе объ избраніи двухъ членовъ Совѣта училища на мѣсто выбывшихъ, за окончаніемъ трехлѣтняго срока полномочій, о. Авенира Лебедева и о. Владиміра Повѣдскаго и большинствомъ голосовъ избралъ на сіи должности въ слѣдующее трехлѣтіе членами: Ржевскаго уѣзда, села Збоева священника о. Владиміра Повѣдскаго и г. Ржева Троицкой церкви священника о. Сергія Жданова; кандидатами къ нимъ—г. Ржева Спасской церкви священника о. Михаила Кузьминскаго и г. Ржева Покровской церкви священника о. Авенира Лебедева.—На семъ протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 г., за № 1726, послѣдовала таковая: „*Утверждается*“.

№ 13-й. 1914 года февраля 12 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа слушалъ словесное заявленіе инспектора классовъ училища прот. І. М. Морковина о продолжительной, почти десятилѣтней службѣ церковнаго старосты училищной церкви и вмѣстѣ предсѣдателя Общества вспомошествованія бѣднымъ воспитанницамъ училища коллежскаго совѣтника Петра Ива-

новича Волкова, который съ большимъ усердіемъ заботился о благоуукрашеніи училищнаго храма и сочувственно поощрять прекрасное пѣніе ученицъ и труды обращающаго вниманіе духовенства руководителя хора преподавателя училищо Н. Т. Васильева; заботами же П. И. Волкова замѣтно усиливались средства указаннаго Общества. Принимая во вниманіе означенные безвозмездные труды П. И. Волкова, съѣздъ выражаетъ искреннее сожалѣніе о прекращеніи его полезной службы училищу, по случаю его перевода изъ Ржева выражаетъ ему свою душевную благодарность и проситъ Совѣтъ училища возбудить предъ Епархіальнымъ Начальствомъ ходатайство о соотвѣтствующей ему наградѣ. — На семь протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 года, за № 1727, послѣдовала такая: „*Утверждается*“.

№ 14-й. 1914 года февраля 12 дня. Съѣздъ духовенства Ржевскаго училищнаго округа, обсудивъ всѣ, подлежашіе его рѣшенію, вопросы, постановилъ: всѣ протоколы съѣзда чрезъ о. предсѣдателя представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства; о. предсѣдателя съѣзда и дѣлопроизводителей, за понесенные ими труды, благодарить и считать съѣздъ закрытымъ. — На семь протоколѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 13 февраля 1914 года, за № 1728, послѣдовала такая: „*Утверждается*“.

Содержаніе части оффиціальной: Предложеніе Его Высокопреосвященства.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—Вакантныя мѣста.—Отъ Правленія Краснохолмскаго духовнаго училища.—Протоколы Ржевскаго съѣзда духовенства.

Редакторъ священникъ М. Любскій.

Печатать дозволяется. 19 мая 1914 года. Цензоръ инспекторъ семинаріи Н. Онтликъ.

Печатано въ Типографіи Н. М. Родионова въ Твери, преемн. М. В. Блиновъ.
Трехсвятская улица, домъ В. М. Шиканова.

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно по понедѣльникамъ.

19 Мая 1914 года.

№ 20.

Годъ тридцать восьмой.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Памяти Архіепископа Антонія.

(къ 40 дню его кончины).

Умеръ Высокопреосвященнѣйшій Антоній. Смерть всякаго человѣка вызываетъ въ насъ или чувства скорбнаго сожалѣнія, невольнаго недоумѣннаго протеста, или чувства удовлетворенія, примиренности, преклоненія предъ неизбѣжнымъ. То или другое отношеніе къ факту смерти находится въ зависимости отъ того, *кто* умеръ и въ *какой* обстановкѣ. Обстановка смерти Владыки Антонія является совершенно исключительной. Святитель цѣлую недѣлю говѣеть, готовится къ исповѣди и св. причащенію, употребляетъ для поддержанія тѣлесныхъ силъ почти одну воду. Въ субботу, 15 марта, исповѣдуется, на другой день, чувствуя себя совершенно здоровымъ, служитъ литургію. Раздается подъ сводами храма его голосъ, возносящій молитвы о мірѣ, о спасеніи міра. Воздѣваетъ онъ свои руки, преподавая благословеніе паствѣ своей и призываетъ Пастыреначальника Христа утвердить людей

въ вѣрѣ и любви. „Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей и утверди и, егоже насади десница Твоя“. Голоса поющихъ, въ отвѣтъ призыву Владыки, молятъ милосерднаго Бога о помилованіи: „святый Боже, святый Крѣпкій, святый Безсмертный, помилуй насъ“. Царить въ храмѣ чудная гармонія, покоряетъ она молящихся, примиряетъ ихъ другъ съ другомъ, и всѣ сквозь слезы умиленія радуются, что хотя на нѣсколько мгновений небесные звуки слетѣли въ душу, смѣнили въ ней скучныя пѣсни земли. И какъ любятъ въ эти моменты всѣ молящіеся своего владыку, своего предстателя предъ Богомъ! Какъ благодарны ему! Какъ онъ близокъ, дорогъ имъ! Вотъ протодіаконъ молится о здравіи и спасеніи Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, приносящаго святыя дары Господеви Богу Нашему. Неземной радостью свѣтится лицо Святителя. Онъ полнъ жизни, духовной силы, святого вдохновенія. И вдругъ!.. Черезъ четыре часа... Черезъ какіе то жалкіе четыре часа, когда послѣ вечерни пѣвчіе пѣли: „Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“, Владыка лежалъ бездыханнымъ, и никто не зналъ объ этомъ. Сколько нашлось-бы тысячъ людей, которые бросились-бы, помчались-бы къ Владыкѣ, чтобы предотвратить страшную катастрофу, чтобы чѣмъ нибудь помочь ему, чтобы исполнить его послѣднее желаніе, уловить его послѣднѣе движеніе, видѣть его послѣдній взглядъ, слышать послѣднее слово, сказанное имъ въ этомъ мѣрѣ. А если не успѣлъ онъ ничего сказать, если образъ міра сего, на подобіе молніи, лишь пронесся надъ его сознаниемъ въ тотъ моментъ, когда душа разлучалась отъ тѣла, то сколько тысячъ людей желали-бы на своихъ рукахъ держать хотя остывающее тѣло Владыки, эту храмину, въ которой жилъ безсмертный, дивный духъ святителя! И никому это не было дано. Владыка лежалъ одинокимъ.

Обстановка его смерти лучше всякихъ проповѣдей говоритъ о ничтожествѣ, бренности нашей тѣлесной жизни

и тѣмъ съ большей силой призываетъ насъ беречь время жизни: оно такъ нужно, такъ дорого намъ для проявленія въ жизни высокихъ задачъ, поставленныхъ для нашего духа Богомъ, давшимъ намъ этотъ духъ.

Когда я вошелъ въ покои умершаго Владыки, первая панихида по немъ уже кончилась. „Во блаженномъ успеніи вѣчный покой... Высокопреосвященнѣйшему Антонію“...—въ полголоса, робко, какъ-бы въ смущеніи говорилъ протодиаконъ. Былъ полумракъ. Скорбно мигали свѣчи. Прибывшіе преклонили колѣна передъ гробомъ Архипастыря. Нѣкоторые плакали. Войдя въ залъ, я не вѣрилъ себѣ, своимъ глазамъ. Рѣдко бываютъ въ жизни такія минуты, когда дѣйствительность кажется иллюзіей и упорно хочется не вѣрить факту. Но—увы!—Нельзя было устранить или хотя какъ-нибудь смягчить то, что произошло. Душа страдала, мысль металась, какъ сраженная холоднымъ свинцомъ птица. Я посмотрѣлъ на стѣны. Боже! вѣдь, это—залъ, тотъ самый залъ, въ которомъ всегда принималъ просителей Владыка. Вотъ и столъ—тотъ самый, на которомъ Владыка читалъ бумаги, и диванъ, на которомъ обычно сидѣлъ онъ, бесѣдуя съ посѣтителями. Вотъ и двери, около которыхъ обычно стоялъ Владыка, принимая посѣтителей, стоялъ кроткій, полный смиренія, съ руками, опущенными какъ-то особенно, какъ-бы въ сознаніи своей ежеминутной зависимости отъ Высшей Силы, управляющей міромъ. Боже! Боже! И его теперь нѣтъ. И не будетъ никогда! Онъ теперь лежитъ въ этомъ же залѣ, на столѣ передъ иконой, въ лампадѣ волнуется пламя огонька и этотъ огонекъ какъ-бы говоритъ: „вотъ, смотри, человѣкъ, и поучайся. Теплится въ тебѣ жизнь—эта величайшая сила, основа всего существующаго. Но какъ легко загасить эту силу, эту жизнь со всѣми ея порывами, стремленіями, радостями, надеждами, трудами, заботами, скорбями! Пробьетъ назначенный Творцомъ часъ, и загаснетъ жизнь, какъ въ лампадѣ огонекъ!“

Но, --нѣтъ! — чувство не мирится съ фактомъ смерти Владыки. Ему-ли умирать, когда онъ такъ нуженъ намъ! Ему-ли, полному жизненныхъ силъ и энергіи! Однако, вотъ — закрытое лицо..., вотъ десница Владыки, та самая знакомая десница, которая благословляла меня, когда Владыка давалъ мнѣ братское лобзаніе, утѣшая, ободряя меня, вливая въ меня новыя силы для пастырскаго служенія. Всякій разъ, какъ я уходилъ отъ Владыки, я чувствовалъ, что моя грудь дышетъ свободнѣе, я яснѣе смотрѣлъ на Божій міръ, появлялось чувство безотчетной радости, хотѣлось трудиться, работать, становилось легче жить. И это вовсе не потому, что онъ былъ — администраторъ! Нѣтъ!!.

Зачѣмъ-же теперь похолодѣла эта благословлявшая меня рука? Зачѣмъ Владыка оставилъ насъ сиротами? Въ жизни рѣдко встрѣчаешь такихъ людей, около которыхъ легко дышется, около которыхъ начинаешь вѣрить въ осуществленіе лучшихъ цѣлей жизни. Я припалъ къ рукѣ Владыки, — она не была похожа на руку мертвеца. Такая-же полная, какъ при жизни, и почти теплая. И страшно хотѣлось видѣть лицо Владыки и было обидно, что оно, по обычаю, было закрыто. „Любовь выше закона“.

Я всю ночь смотрѣлъ-бы на Владыку, объятаго смертнымъ сномъ, и онъ немолчно проповѣдывалъ-бы такъ часто забываемыя нами истины о смыслѣ жизни, о цѣляхъ и задачахъ ея. Но... залъ понемногу пустѣлъ, начиналась дѣловая суетня. Слышались уже разговоры, никакого отношенія къ умершему святителю не имѣющіе. Надо было уходить.

II.

Что сказать о почившемъ Владыкѣ для характеристики его духовной личности? Такіе люди, какъ Высокопр. Антоній, менѣе всего поддаются полной и удачной характеристикѣ. И это, конечно, потому, что въ ихъ жизни,

въ отношеніяхъ къ людямъ, наконецъ, въ приемахъ и манерахъ отправлять свои служебныя обязанности совсѣмъ нѣтъ позы, величавости, нѣтъ той обычной для ихъ служебнаго положенія видимости, къ которой привыкаетъ глазъ посторонняго наблюдателя. Одни считали Владыку, глав. образомъ, опытнымъ администраторомъ, другіе называли его строгимъ, но справедливымъ начальникомъ, третьи указывали на его самозамкнулось и даже—недоступность, иные высказывались противъ широкаго пользования Владыкой правомъ своей Архипастырской власти на разнаго рода собраніяхъ и совѣщаніяхъ въ ущербъ, якобы, общественной самодѣятельности и т. д. Но всѣ эти характеристики, даже и вмѣстѣ взятыя, отнюдь не рисуютъ дѣйствительнаго духовнаго облика покойнаго Архипастыря. Это скорѣе избитыя, взятыя на прокатъ фразы. Эти фразы ясно указываютъ, какъ много у насъ любителей судить и обсуждать даже лицъ святительскаго сана и какъ мало людей, склонныхъ къ глубокому психологическому анализу, стойкихъ въ своихъ выводахъ настолько, чтобы не считаться съ голосомъ ходячей уличной молвы. Говоря о личности Архіепископа Антонія, нельзя его иначе и характеризовать, какъ именемъ: „человѣкъ“. „Человѣкъ онъ былъ“. Человѣкъ въ лучшемъ и благороднѣйшимъ смыслѣ этого слова.

Пословица говоритъ, что душа человѣка—потемки. Говоря о душѣ Арх. Антонія, я сравнилъ-бы эту душу съ тѣмъ моремъ, о которомъ Жуковскій сказалъ:

„О, море! Безбрежное море, лазурное море!

Стою очарованъ надъ бездною твоею.

Ты въ лонѣ спокойномъ скрываешь смятенье,

Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него“.

По виду всегда спокойный, уравновѣшенный, Арх. Антоній таилъ въ своей душѣ цѣлое море жизни, и это море невидимо для посторонняго наблюдателя волновалось, приходило въ смятеніе всякій разъ, когда люди

въ своей совѣсти не являли небесныхъ даровъ: любви, стремленія къ правдѣ, къ внутреннему духовному совершенству. Достаточно было посмотреть на покойнаго Владыку въ самыя, повидимому, торжественныя минуты, когда онъ являлся предметомъ вниманія многотысячной толпы, когда каждый его жестъ, каждое движеніе должно имѣть, по принятому обычаю, характеръ величія, властности, могущества. Въ эти минуты Владыка Антоній всегда неизмѣнно страдалъ, страдалъ отъ сознанія возможности впасть въ лицемѣрное величіе, допустить фальшь мыслей, чувствъ, взглядовъ, движеній. Можно было даже замѣтить, что въ такія минуты Владыка обыкновенно смущался, краснѣлъ, какъ невинный, нравственно-чистый ребенокъ. И изъ груди его вылеталъ какой-то звукъ, похожій на глубокой, затаенный вздохъ, вздохъ страданія. Казалось, Владыка веѣмъ существомъ своимъ говорилъ: „все это хорошо, на что вы смотрите плотскимъ окомъ. Но, вѣдь, это—внѣшность, мишура, второстепенное. Это не то. Нужно нѣчто другое, возвышенное, святое, что устояло-бы передъ судомъ чистѣйшей правды, передъ требованіями неумолимой совѣсти. Бойтесь неискренности, теплохладности въ своемъ служеніи. Человѣкъ такъ легко поддается соблазну самолюбованія. Поскорѣй, поскорѣй закончить эту видимость, снять это видимое облаченіе!“ Вотъ почему Владыка такъ рѣдко появлялся въ общественныхъ мѣстахъ и вообще тамъ, гдѣ неизбѣжна поза, служебная видимость. Нѣкоторые высказывали недоумѣніе, почему Владыка сравнительно рѣдко служитъ въ Каѳедральномъ соборѣ. Причиной здѣсь была именно скромность Архипастырской души, таготящейся внѣшней помпой, избѣгающей такихъ положеній, гдѣ, кромѣ духовной молитвы, необходимо тщательно соблюдать декоративную сторону богослужебной формы. Архіепископъ Антоній былъ истинный монахъ, который вмѣстѣ съ облаченіемъ не откладываетъ въ сторонку своихъ идеаловъ, лучшихъ стремленій

своей глубоко воспитанной души. Его душа всегда была занята само-анализомъ, на стражѣ его жизни стоялъ неподкупный судья — совѣсть и слѣдилъ, чтобы эта жизнь была полнымъ, совершеннымъ отраженіемъ неба, требовалъ воплощенія въ тѣлесной жизни небесной красоты, небесной правды.

„Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него“.

Почитайте проповѣди Высокопр. Антонія, его статьи и даже отдѣльные труды богословско-экзегетическаго характера. Вездѣ онъ неустанно твердить о самонаблюденіи, о самосовершенствованіи, о духовномъ восхожденіи отъ силы въ силу, отъ славы въ славу, о борьбѣ съ грѣховной плотью, съ ея страстями, отравляющими чистые порывы и стремленія души. Человѣку, не привыкшему къ духовнымъ разсужденіямъ, проповѣди Архіепископа Антонія могутъ показаться „сухими“, скучными, далекими отъ жизни. Но тотъ, кто не на словахъ только, а и на дѣлѣ слѣдилъ за жизнью своей души, стремится пріобрѣсти духовную опытность, воспитывать въ себѣ духовную мудрость, для того мысли и чувства Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, разлитыя въ его литературныхъ трудахъ, будутъ каплями бодрящей весенней росы, ликующей на солнечныхъ лучахъ на вѣтвяхъ свѣжей, цвѣтущей сирени. Здѣсь все чисто, свѣжо, сильно и непосредственно красиво, какъ сильна и красива сама природа. Человѣкъ, пріобрѣтшій духовную опытность и способный говорить съ умершимъ Владыкою на одномъ языкѣ, долженъ о его рѣчахъ сказать словами поэта:

„И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей“.

Удѣляя много вниманія самоанализу, изучая жизнь человѣческой души, Архіепископъ Антоній хорошо зналъ эту душу и цѣнилъ ее больше всего. Но жизнь человѣ-

ческой души, ея истинная цѣнность въ томъ или другомъ человѣкѣ опредѣляется далеко не сразу, не по первому поверхностному впечатлѣнію. Поэтому Владыка Антоній ни о комъ не высказалъ мимолетныхъ необоснованныхъ сужденій съ перваго взгляда. Желая опредѣлить человѣка, его дѣйствительный удѣльный вѣсъ, степень его пригодности къ тому или другому дѣлу, Архипастырь незамѣтно приближалъ его къ себѣ и, если въ человѣкѣ находились дѣйствительныя, положительныя духовныя качества и способности, то Владыка приближалъ его къ себѣ, дарилъ своимъ довѣріемъ, защищалъ отъ возможныхъ терній на служебномъ поприщѣ, и тогда уже ничто, никакая сила не могли поколебать убѣжденій Владыки. Даже въ бумагахъ, въ мертвыхъ бумагахъ, прошедшихъ черезъ нѣсколько канцелярій, онъ искалъ психологическихъ данныхъ для характеристики человѣка, оцѣнки его нравственной личности. А поверхностные наблюдатели обвиняли Владыку въ томъ, что онъ, будто-бы, слишкомъ много удѣляетъ вниманія бумагѣ.

Если-бы не любовь въ человѣческой душѣ, не его желаніе объяснить психологически разнообразныя искривленія нравственной природы человѣка, не всегдшняя готовность — найти извиняющія обстоятельства и датьнисхождение обвиняемому или нравственно недомогающему человѣку, кто-бы заставилъ Владыку цѣлыми часами бесѣдовать съ посѣтителями, вникать въ детали ихъ личной жизни, въ условія ихъ служебной дѣятельности? Неужели только ради одного любопытства кто нибудь рѣшился бы проводить цѣлые дни и часы въ напряженной, далеко не интересной бесѣдѣ съ подчиненными и посѣтителями, гдѣ каждый старается казаться лучше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, затушевать свои отрицательныя стороны и для достиженія своихъ цѣлей употребить, можетъ быть, и не совсѣмъ безупречныя съ нравственной стороны приемы? Чтобы справиться съ массой пси-

хологическаго матеріала, который даютъ Архипастырямъ ежедневно въ теченіи цѣлыхъ годовъ многочисленныя посѣтители—люди разныхъ классовъ, состояній, понятій, разнаго общественнаго положенія и, наконецъ, самыхъ разнообразныхъ этическихъ воззрѣній,—для этого есть два выхода: или путь непосредственнаго опредѣленія человѣка послѣ нѣсколькихъ сказанныхъ имъ словъ и даже на основаніи документовъ, или же путь вдумчиваго, осторожнаго анализа души человѣческой чрезъ участіе въ бесѣдѣ съ нимъ. Любя и цѣня человѣческую душу выше всего, зная жизнь этой души по собственному опыту, Высокопр. Антоній шель, главнымъ образомъ, послѣднимъ путемъ, хотя, какъ человѣкъ—психологъ, человѣкъ глубоко интеллигентной души, обладалъ и даромъ непосредственнаго интуитивнаго прозрѣнія. Кто видѣлъ приемы Арх. Антонія, тотъ прекрасно помнитъ обстановку этихъ приемовъ. Большія двери грузно закрывались и, по очередно, заключали въ архіерейскомъ залѣ то одного, то другого посѣтителя. И тамъ, въ залѣ, совершалось нѣчто великое, священное. Архипастырь, хотя и усталый, но съ радостнымъ вниманіемъ выслушивалъ просителей, бралъ на свои рамена скорби и нужды людей, притекающихъ къ нему со всѣхъ концовъ епархіи, и всѣми силами стремился облегчить имъ бремя жизни. Вѣдь всѣхъ просителей можно было-бы опросить въ передней, на лѣстницѣ, отобрать отъ нихъ бумаги и удалиться въ свои „покои“. „И скоро и хорошо!“ Но для Владыки Антонія это было невозможно, какъ невозможно для солнца разстилать по землѣ тьму. Онъ не устами, а сердцемъ зналъ ученіе Христа о любви къ ближнему, о томъ, что выше души человѣческой, хотя и заблудшей, нѣтъ ничего на свѣтѣ, что мы должны не презирать малыхъ сихъ, и что, какъ-бы ни былъ образованъ и высоко поставленъ въ общественномъ положеніи человѣкъ,—для него нравственно обязательны и вниманіе къ падшему человѣку и радость о его обращеніи.

„Весь міръ познанія не стоитъ слезъ одного ребенка“, — сказалъ глубокой психологъ Достоевскій, и эта мысль въ основѣ своей глубоко вѣрна. Къ чему всѣ человѣческія познанія; всѣ внѣшнія учрежденія, всѣ изобрѣтенія общечеловѣческаго генія, если они не способны ни бороться съ физическимъ зломъ, какъ источникомъ человѣческихъ бѣдствій, ни ослабить нравственныхъ страданій человѣка, ни исправить изъязновъ общечеловѣческой психологіи? И вотъ Высокопр. Антоній глубоко усвоилъ себѣ эту истину и не счелъ возможнымъ проходить съ равнодушнымъ вниманіемъ даже мимо „слезъ ребенка“. Неизбѣжная при епархіальномъ управленіи канцелярія была одухотворена великимъ духомъ святителя, который умѣлъ *право* править слово Христовой правды и истины. Всѣми фибрами своей живой души Владыка былъ связанъ съ жизнью, съ ея потребностями, запросами, задачами.

И въ этомъ отношеніи совершенно несправедливо мнѣніе о самозамкнутости Арх. Антонія. Надо понять характеръ этого одиночества, на которое добровольно обрекаетъ себя святитель. Родники одиночества всегда разнообразны. Можно быть по природѣ одинокимъ и просто не любить общества и людей. Можно разочароваться въ людяхъ, которыхъ любилъ очень, — и отойти отъ нихъ. Можно любить людей и не любить жизни вообще самого процесса бытія, и въ самой густой толпѣ чувствовать себя совсѣмъ чужимъ. Всѣ эти простыя и родственныя формы одинокаго состоянія имѣютъ мало общаго съ тѣмъ особымъ видомъ добровольнаго одиночества, на которое себя обрекаетъ человѣкъ сильный, любящій жизнь, живущій ея повседневными интересами, любящій людей и способный страдать за нихъ, строгій судья ихъ, но отнюдь не разочарованный ихъ обвинитель, — большой сердцевѣдъ, отходящій въ сторону, чтобы полнѣе сравнить свою свободу и пріобрѣсти еще большую

силу воздѣйствія. Бывали подвижники, которые изъ пустыни не выходили, бывали такіе, которые уходили въ пустыню, чтобы въ тиши достойно подготовиться къ житейскому подвигу. Арх. Антоній стоялъ всегда на виду у людей, но всегда между нимъ и ими ложилась какая-то грань не отчужденія, а *независимости*.

Несправедливо и мнѣніе, будто Арх. Антоній слишкомъ широко пользовался правомъ своей дискреціонной власти на разнаго рода собраніяхъ и совѣщаніяхъ. Что касается вопросовъ экономическаго характера, то за время управленія Арх. Антоніемъ епархіей нельзя указать такихъ случаевъ, когда-бы онъ дѣйствовалъ въ ущербъ интересамъ общественнымъ. За предѣлами-же вопросовъ экономическихъ Владыка былъ мудро остороженъ. Этой одинокой силѣ было чуждо все стихійное, экспансивное. Взглядомъ опытнаго борца смотрѣлъ онъ впередъ, черезъ головы толпы, и учитывалъ возможные послѣдствія тѣхъ или иныхъ выступленій, предпріятій. И если было ясно, что развернутое знамя придется неизбѣжно опустить и свернуть, то Владыка долгомъ мудрости считалъ—оставить это знамя временно неразвернутымъ. Если какія-либо предпріятія не могли имѣть серьезнаго жизненнаго значенія, то владыка считалъ неразумнымъ дѣломъ—плодигъ пустоцвѣты, нужные лишь для блестящей канцелярской отчетности. Припомните,—за 4 года управленія епархіей,—ни одного крикливаго и помпезнаго слова не сорвалось съ его устъ,—слова, которое, хотя оно и истерто, но обладаетъ какой-то силой собирать вокругъ себя толпу. Толпа была ему всегда подозрительна; и когда онъ видѣлъ, какъ она собиралась вокругъ какого-нибудь знамени, даже заслуженнаго и святаго знамени, онъ становился поодаль и наблюдалъ. Къ самому знамени онъ могъ чувствовать почтеніе, но за людьми, которые его держали въ рукахъ, онъ слѣдилъ пристально и зорко, не сразу довѣря имъ.

И, къ стыду современнаго общества, нельзя не отмѣтить, что Владыка вынужденъ былъ крайне ревниво охранять отъ незаслуженныхъ оплеваній свое внѣшнее одиночество, свою внѣшнюю изолированность отъ людей. Иначе и быть не могло. Вѣдь, вся наша жизнь за послѣднее время превратилась въ какое-то многоустое, многоглазое чудовище, которое своими отвратительными щупальцами стремится непрестанно тревожить духовный покой лицъ, знающихъ настоящую цѣну этому чудовищу. Чудовище неизмѣнно окружаетъ этихъ лицъ своимъ смертоноснымъ дыханіемъ, рождающимъ ядовитую гидру—сплетню. Эта гидра питается процессомъ „говоренія“. Процессъ говоренія доступенъ каждому, желающему быть „болтливымъ“, почему слугъ у этой гидры—множество.

Говорятъ всё обо всемъ и обо всѣхъ. Творцовъ—работниковъ и строителей жизни нѣтъ или очень мало, а говорунуовъ—такая масса, что становится не слышно голосовъ настоящихъ учителей жизни. Вся жизнь превратилась въ говорильню. И въ этой говорильнѣ приходится соблюдать крайнюю осторожность тѣмъ людямъ, которые поставлены „на свѣщницѣ“. Здѣсь каждый шагъ на виду, каждое движеніе на счету. Высокопр. Антоній хорошо это понималъ и, какъ человекъ—геркулесъ духа, не хотѣлъ себя бесполезно отдавать въ жертву болтливой саранчѣ. По состоянію здоровья ему, напр., крайне необходимо было пользоваться воздухомъ, имѣть моціонъ. Не веди онъ жизнь узника въ четырехъ стѣнахъ, наблюдай гармоническое соотношеніе между жизнью духа и жизнью тѣлесной храмины,—можетъ-быть, мы и сейчасъ видѣли бы его здоровымъ, благоденствующимъ. Но соблюдать необходимыя для здоровья предосторожности было для него невозможно. Помню, съ какимъ негодованіемъ отнесся Владыка къ пущенной кѣмъ-то сплетнѣ, будто онъ „ѣздитъ“ верхомъ на лошади. Такъ большинство и говорить: не ѣздитъ, а „ѣздитъ“. А Спаситель развѣ не

ѣхаль на ослѣ въ Іерусалимъ? А въ сибирскихъ тундрахъ, въ Архангельской губерніи, на Кавказѣ развѣ Архипастыри не ѣздятъ на такихъ животныхъ, о которыхъ мѣстная Тверская сплетня, можетъ-быть, даже и понятія не имѣетъ? При той развязности, которую чувствовала за собой сплетня, Владыка не счелъ возможнымъ позволить себѣ не только какой-нибудь ѣзды, но даже и простыхъ прогулокъ въ своемъ загородномъ саду, особенно въ поздній часъ, во время, повидимому, заслуженное для отдыха. Онъ зналъ, что многоглазая сплетня все увидитъ, всему вынесетъ свой бульварный приговоръ, даже и для чистой воды укажетъ мутный источникъ. И онъ оставался въ своемъ внѣшнемъ одиночествѣ, по—прежнему продолжая любить человѣческую душу, вѣрить въ ея потенціальныя силы.

Между тѣмъ усиленный темпъ духовной жизни не могъ не отразиться на тѣлесныхъ силахъ Архипастыря, и послѣднія, не имѣя соответствующей поддержки, стали незамѣтно для самого носителя ихъ разрушаться. Хотя Владыка имѣлъ видъ вполне здороваго человѣка, но сердце его, любившее такъ много, страдавшее за человѣка такъ глубоко, начинало биться все слабѣе и слабѣе...

Если-бы гидра нашего времени—сплетня въ вопросѣ о смерти Владыки Антонія занимала совсѣмъ малозамѣтное мѣсто, то и въ такомъ случаѣ около свѣжей могилы святителя слѣдуетъ указать на ядовитое жало этой гидры, выбирающей своей жертвой по преимуществу людей—великановъ, нужныхъ для строительства жизни. Вѣдь, когда уходитъ въ могилу нужный для жизни человѣкъ, устроитель ея, то наше чувство невольно возмущается, обиженно и недоумѣнно протестуетъ. И хочется найти если не причину, то ближайшій поводъ къ смерти этого человѣка. Но жизнь и смерть такъ таинственно и чудесно переплетаются между собою въ нервныхъ тканяхъ чело-

вѣческаго организма, жизнерадостный ликъ цвѣтущаго человѣка такъ быстро можетъ превратиться въ отвратительный голый черепъ съ трупнымъ запахомъ, что мы *обязаны* всячески беречь людей, нужныхъ для жизни, устранять всякій возможный поводъ къ печальной катастрофѣ. Помимо злой воли человѣческой есть много чисто-механическихъ, случайныхъ, стихійныхъ силъ, способныхъ разрушать гармонію жизни въ человѣкѣ.

Довольно ихъ однѣхъ, чтобы убивать жизнь на землѣ! Но когда вмѣстѣ съ ними начинается творить Каиновъ грѣхъ и человѣческая воля, то нельзя не вопіять объ этомъ, не взывать къ небу! Правда, злая гидра злоязычія осужденія, сплетни еще долго будетъ вести свою разрушительную работу, еще долго будетъ посылать своихъ агентовъ на Голгоѳу, гдѣ будутъ умирать великіе, нужные для жизни люди. И хочется только спросить: „неужели тѣ, которые приняли на себя званіе христіанина, будутъ ея добровольными агентами?“ Повторяемъ, — на могилѣ Владыки Антонія, этого учителя смиренія и кротости, долженъ быть произнесенъ суровый приговоръ нашему современному духовному недугу — привычкѣ къ сплетнѣ.

Лучшее средство для борьбы съ этимъ недугомъ указываетъ почившій святитель. Это — путь самонаблюденія, самовоспитанія, самообразованія, восхожденія по лѣстницѣ духовнаго совершенства. Почившій Владыка много времени отдавалъ самообразованію, — при всей своей склонности къ созерцательной жизни, всетаки не пренебрегалъ внѣшними занятіями, необходимыми для широты духовной жизни, онъ, напр., прекрасно зналъ языки: греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій, англійскій. Его скромность не позволила ему гдѣ-либо демонстрировать эти знанія. Но немногимъ извѣстно, какъ пригодились ему эти знанія въ его богословско-экзегетическихъ трудахъ. Онъ часто бралъ изъ семинарской

библіотеки французскіе фоліанты и среди дѣлъ епархіальнаго управленія находилъ время читать и изучать ихъ. Написанное имъ толкованіе на псалмы сдѣлано, глав. обр., по французскимъ первоисточникамъ.

III.

Таковъ былъ почившій Владыка Антоній. Недостаетъ здѣсь мѣста, чтобы во всей полнотѣ охарактеризовать душу этого человѣка, прекрасную и чистую, какъ лазурное, безбрежное море. Его смерть вызвала искреннюю, неподдѣльную скорбь не только въ кругахъ духовенства, но и въ средѣ мѣстной интеллигенціи: представителей медицины, адвокатуры, лицъ педагогическаго персонала, служителей судебныхъ учреждений. Мѣстная интеллигенція видѣла въ немъ глубоко интеллигентнаго человѣка, достойнаго уваженія. Недавно въ бесѣдѣ съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ я узналъ, что когда членъ Гос. Сов.—С. М. Лукьяновъ (бывш. оберъ-прок. Св. Синода) былъ извѣщенъ о неожиданной смерти святителя Антонія, онъ съ глубокой скорбію отозвался о немъ, какъ объ истинномъ служителѣ церкви, дивномъ человѣкѣ, которыхъ осталось немного.

Помню 18-е марта, когда Владыка Антоній, лежащій въ гробу, совершалъ послѣдній путь свой изъ Трехсвятскаго въ Каѳедральный соборъ—къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Дивный весенній вечеръ. Небо широко раскрыло свои лазурные своды. Весеннее солнце склоняется къ западу. Улицы города залиты народомъ. Въ многотысячной толпѣ—благоговѣйная тишина, развѣваются хоругви, слышны голоса поющихъ, хоръ музыки вноситъ гимнъ Богу жизни, вѣщаетъ славу тому, кто одинаково великъ и въ небесахъ на тронѣ и въ былинкахъ на землѣ. Плавно колышется въ погребальной колесницѣ гробъ, заключившій въ себѣ того, кто всю жизнь свою, до послѣдняго дыханія, отдалъ Богу любви. И изъ этого гроба

кроткій, смиренный Владыка какъ-бы говорить недоумѣвающей толпѣ: „къ чему это? Къ чему видимость, pompa, пышная внѣшность? Къ себѣ обратитесь, къ душѣ своей! Себя испытайте, близка-ли ваша душа къ Богу любви. Что смотрите на меня, на мое недостоинство? Посмотрите на небо и уразумѣйте благость Бога любви, Его величіе и Его снисхожденіе и къ полевой былинкѣ, и къ каждому падшему, заблудшему человѣку. Познайте истину, что только въ любви, кротости и смиреніи — смыслъ жизни, только въ нашей способности видѣть въ другомъ человѣкѣ брата, уважать даже заблудшаго и духовно недомогающаго, считать равнымъ себѣ,—только въ этомъ залогъ осуществленія на землѣ завѣтовъ Христа! Только такимъ путемъ вы оправдаете свое великое, отвѣтственное званіе: „человѣкъ“!

И какъ, дѣйствительно, великъ былъ въ тотъ моментъ уходящій отъ насъ Владыка, великъ въ смиреніи своемъ! Какой ничтожной казалась та торжественная видимость, которую мы приготовили своему учителю!

Хотѣлось вѣрить,—и мы вѣримъ до сихъ поръ,— что дивный, чистый образъ Владыки—учителя любви не умретъ въ сознаніи его паствы, и намъ слѣдуетъ такъ или иначе увѣковѣчить память его для назиданія новымъ поколѣніямъ, имѣющимъ послѣ насъ разобратъ на жизненной нивѣ.

Свящ. *Ветлинъ.*

Каковъ долженъ быть самъ проповѣдникъ трезвости, и какова должна быть его проповѣдь.

Чтобы отучать народъ отъ пьянства, или что то же, учить народъ трезвости, нужно начать съ себя. Высокій примѣръ пастыря—вотъ главное и самое первое условіе благоуспѣшности проповѣди вообще и противъ пьянства въ особен-

ности. Если пастырь желаетъ имѣть успѣхъ отъ своихъ проповѣдей противъ пьянства, онъ долженъ быть трезвенникомъ, и при томъ трезвенникомъ безусловнымъ, т. е. не пить вина ни капли, иначе пропадутъ всѣ его труды. За доказательствами своей мысли обратимся къ самой жизни. Раздѣлимъ въ отношеніи употребленія вина всѣхъ пастырей на три категоріи: 1) позволяющіе въ употребленіи вина лишнее, 2) умѣренные и 3) безусловные трезвенники. Первымъ, конечно, рта открывать нельзя противъ пьянства съ церковной кафедры; въ высшей степени неудобно говорить противъ того порока, въ которомъ самъ отчасти повиненъ, и слушатели о томъ знаютъ. Въ такомъ случаѣ лучше молчать. И пастыри этой категоріи дѣйствительно молчатъ, оставляя своихъ пасомыхъ погибать въ непробудномъ пьянствѣ. Благодареніе Богу, что такихъ пастырей мало, и ихъ надо считать не десятками, а единицами, а потому мы о нихъ и говорить не будемъ, а обратимся ко второй категоріи—умѣренныхъ. Большинство пастырей никогда не прочь раздѣлить трапезу со своими прихожанами, благословить явства и питія и, въ случаѣ окажется вино на трапезѣ, а это водится вездѣ и всегда, то позволяютъ себѣ и выпить рюмку-другую. Эти пастыри свободно могутъ говорить народу противъ пьянства, но призывать его не къ полной трезвости, а къ умѣренности. Читайте наши проповѣди въ обличеніе пьянства и вы увидите, что въ большей части ихъ проводится такой взглядъ: пить вино можно, но не надо напиваться черезъ мѣру. Девизомъ этого рода проповѣди служить извѣстный текстъ славянской библіи: „невинно вино, укоризненно же піянство“ (Притч. XX, 1). Умѣренность, конечно, похвальна, но проповѣдывать ее, какъ мѣру въ борьбѣ съ пьянствомъ, бесполезно. „Умѣренный проповѣдникъ стоитъ на ложномъ пути: онъ разрѣшаетъ и призываетъ къ употребленію вина (хотя и умѣренно) и такимъ образомъ, вмѣсто

искорененія пьянства, поощряетъ его и развиваетъ. Умѣренность тѣмъ не хороша, что представляетъ изъ себя понятіе не устойчивое и крайне растяжимое. Что для одного умѣренно, то для другого много. Всѣ пьяницы произошли отъ умѣренныхъ, и наоборотъ, пьяницѣ слѣдаться умѣреннымъ почти невозможно. Объ одномъ нѣмецкомъ пасторѣ рассказываютъ слѣдующій случай: онъ убѣждалъ свою паству „пить умѣренно“, какъ вдругъ какой-то пьяница съ краснымъ носомъ самодовольно замѣтилъ: „молодецъ! этотъ нашъ“. Послѣ такого одобренія пасторъ сталъ проповѣдывать абсолютную трезвость. Даже девизъ означеннаго рода проповѣди — „невинно вино, укоризненно же пьянство“ совершенно не вѣренъ. Вино есть предметъ потребленія, оно, какъ ядъ, вредно и въ малыхъ дозахъ, слѣдовательно, невинно вино только тогда, когда его не употребляютъ. Не лишне здѣсь привести мнѣнія свѣтскихъ лицъ относительно „невинности“ вина. Покойный С. А. Рачинскій писалъ: „невинно вино, укоризненно же пьянство“. Вамъ извѣстно, что словъ этихъ въ притчахъ Соломоновыхъ нѣтъ, что первые стихи главы 20-й гласятъ какъ разъ противоположное, что чудовищное это извращеніе подлиннаго текста давно исправлено Св. Синодомъ въ текстѣ русскомъ. Между тѣмъ девять десятыхъ безчисленныхъ проповѣдей противъ пьянства, составляемыхъ нашими духовными витіями, построены именно на этомъ несуществующемъ текстѣ... Вино „глумливо, а не невинно. Да сохранить же васъ Богъ отъ него“... (Письмо къ дух. юнош. стр. 71—72). Д-ръ Соболевскій, прочитавъ рядъ бесѣдъ одного священника объ умѣренномъ употребленіи вина, дѣлаетъ такой отзывъ: „человѣкъ взялся доказывать вредъ пьянства, а начинается съ похвальнаго слова спиртнымъ напиткамъ: вино есть даръ Божій. И оно существуетъ для пользы нашей, если кто можетъ пить его въ мѣру и во время. Виномъ могутъ пользоваться одни вмѣсто лѣкар-

ства, другіе для увеселенія сердца и пріятнаго расположенія духа. Оно дѣлаетъ человѣка любезнымъ съ гостями, ласковымъ съ домашними и пріятнымъ для бесѣдующаго. Вино—отрада сердцу, утѣшеніе душѣ, если оно только употребляется во время... Пусть такъ будетъ, но тогда зачѣмъ дальше призывать громы небесныя на пьянство? Развѣ многоуважаемый батюшка не знаетъ, что простое „винопитіе“ мало по малу превращается въ пьянство? Не даромъ же всякое употребленіе спиртныхъ напитковъ съ научной точки зрѣнія есть уже злоупотребленіе. Вообще батюшка поступилъ-бы лучше, если-бы не старался доказывать пользу умѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ ссылками на св. Писаніе. Это вопросъ научный, врачебный по преимуществу“. (Вѣстн. Трезв.). И дѣйствительно, опытнѣйшіе проповѣдники совѣмъ не употребляютъ въ проповѣди вышеупомянутаго текста о невинности вина, а если и употребляютъ, то въ русскомъ переводѣ, Который даетъ совѣмъ обратный смыслъ: „вино глумливо, сикера буйна“ (см. напр. слово Высокопр. Сергія Влад.). И такъ, послѣ этого слѣдуетъ прямое заключеніе, что проповѣдь умѣренности въ борьбѣ съ пьянствомъ не приноситъ ровно никакой пользы, именно: для пьяницъ она излишняя,—потому и пьяница, что не можетъ удержаться въ границахъ умѣренности,—для умѣренныхъ бесполезна, они безъ того умѣренны; для трезвыхъ же вредна, ибо научаетъ ихъ винопитію. И съ такой сомнительнаго качества проповѣдью заставляеть проповѣдника выходить къ слушателямъ не что иное, какъ собственный взглядъ его на вино, собственный примѣръ жизни. Можно судить теперь о результатахъ такой борьбы съ пьянствомъ. Послѣ этого является несомнѣннымъ, что успѣшно бороться съ пьянствомъ путемъ проповѣди могутъ только пастыри, совершенно не употребляющіе вина, безусловные трезвенники. Примѣръ жизни пастыря самъ по себѣ имѣетъ большое вліяніе на пасомыхъ, не даромъ сложи-

лась пословица: „каковъ попъ, таковъ и приходъ“. Но въ связи съ проповѣдью этотъ примѣръ жизни имѣетъ огромную движущую нравственную силу, въ особенности въ дѣлѣ отрезвленія народа. Само собой понятно, что трезвенникъ — пастыръ и въ проповѣди своей будетъ призывать слушателей къ безусловному воздержанію отъ вина. А это самый вѣрный путь въ борьбѣ съ пьянствомъ. Твердое, убѣдительное слово о безусловной трезвости способно вліять на самыхъ закоренѣлыхъ пьяницъ, и перерождать ихъ къ новой совершенно трезвой жизни. И можно указать множество примѣровъ, когда подъ вліяніемъ проповѣди о безусловной трезвости отчаянные пьяницы и запойцы, на удивленіе людямъ, совершенно бросали вино, и дѣлались абсолютными трезвенниками. Но что главнѣе всего, собственный примѣръ трезвости въ пастырѣ служитъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ должно основываться все его проповѣдническое дѣло въ борьбѣ съ пьянствомъ.

Священникъ *Василій Баженовъ*.

Вознагражденное смиреніе.

(25-тилтній юбилей о. *Евгенія Рогожина*, священника *Ржевской Оковецкой церкви*).

25-го апрѣля сего года невозмутимое спокойствіе Ржевскихъ обывателей было нарушено необычайнымъ въ такой день праздничнымъ звономъ въ 9 час. утра.

Несмотря на свою малоподвижность, Ржевскіе жители, — какъ и другіе жители небольшихъ уѣздныхъ городовъ, — очень любопытны: „гдѣ звонъ? въ какой церкви? по какому случаю?“ — посыпались вопросы.

Любопытство ихъ было скоро удовлетворено: 25-го апрѣля исполнилось 25 лѣтъ служенія въ священномъ санѣ о. *Евгенія Рогожина*, священника *Оковецкой* (или,

какъ чаще называютъ, Предтеченской) церкви; прихожане захотѣли почитать своего настоятеля и духовнаго отца поднесеніемъ ему иконы и испросили разрѣшеніе Высшаго Епархіальнаго Начальства на празднованіе 25-тилѣтняго юбилея о. Рогожина.

На первый взглядъ можетъ показаться: что-же тутъ особеннаго? Мало-ли бываетъ 25-тилѣтій служенія священниковъ! И зачѣмъ непременно нужно этотъ юбилей отличать отъ другихъ?—Другіе проходятъ незамѣтно; и этому слѣдовало-бы такъ пройти.

Но... случилось неожиданное обстоятельство: прихожане Предтеченской церкви, памятуя евангельское изреченіе „смирій себе, вознесенъ будетъ“, непременно пожелали „вознести“ своего „смиреннаго“, кроткаго и любвеобильнаго пастыря; пожелали и сѣумѣли добиться этого, при руководствѣ и дѣятельномъ участіи своего церковнаго старосты И. С. Чернышева.

Инициатива этого дѣла, извѣстная смѣлость и настойчивость въ проведеніи его—дѣлаютъ честь ему. Но, конечно, не одинъ онъ въ этомъ дѣлѣ повиненъ: онъ взялъ на себя только починъ, руководство и исполненіе; а подсказали ему это и подкрѣпили въ его намѣреніяхъ: общая, единодушная любовь къ о. Евгенію всѣхъ прихожанъ, его примѣрная жизнь, его неизмѣнно-ласковое отношеніе ко всѣмъ, его (даже) кроткій ликъ, внушающій каждому полное довѣріе.

Эти бѣдные, молчаливые и малоправные,—почти безгласные въ обычное время,—прихожане... заговорили. Почему? - Потому-что въ дѣлѣ оцѣнки своего пастыря они не смогли, не захотѣли и не сѣумѣли молчать: они просили, почти требовали (имъ такъ подсказывала совесть) выраженія какими-нибудь видимыми знаками своей любви къ ласковому пастырю. И кому-же было поручить это дѣло, какъ не церковному старостѣ и другимъ, болѣе замѣтнымъ среди бѣдноты, прихожанамъ?

И они, эти бѣдные прихожане, были утѣшены тѣмъ, что ихъ желаніе исполнилось: праздновался юбилей, поднесена икона, говорились рѣчи...

Такъ дѣйствительно и было. 24-го апрѣля отслужена была всенощная, 25-го литургія (о. духовникомъ прот. А. А. Бересневымъ, благочиннымъ о. А. И. Масловымъ и юбиляромъ).— Къ молебну прибылъ и почтенный старецъ Ржевскаго духовенства о. К. І. Финиковъ, отбывшій свой „золотой“ 50-тилѣтній юбилей еще за 4 года до этого. Господь посылаетъ ему силы и здоровье; и возглавленіе собора священниковъ, служившихъ литургію (и присоединившихся на молебнѣ), издавна уважаемымъ всѣми жителями города Ржева о. Константиномъ производить всегда очень трогательное впечатлѣніе.

Достопочтенный предстоятель открылъ скромное торжество краткой привѣтственной рѣчью.—Потомъ былъ отслуженъ молебенъ. Предъ произнесеніемъ многолѣтій представителемъ прихода былъ прочитанъ адресъ отъ прихожанъ; поднесена была старостою икона.—Послѣ этого благочиннымъ о. А. И. Масловымъ была произнесена рѣчь, умѣло и вѣрно обрисовавшая личность юбиляра.

Послѣ отвѣтной рѣчи растрогавшагося юбиляра были произнесены многолѣтія; и тѣмъ закончилась церковная сторона празднованія юбилея.

Продолженіе чествованія юбиляра было въ его домѣ, за скромной трапезой.

Предъ этимъ былъ весь составъ Владимірскаго женскаго училища, гдѣ о. Евгеній состоитъ законоучителемъ; сказана была сердечная рѣчь начальницей училища К. В. Синевой, и поднесенъ подарокъ.

За столомъ также было не мало соотвѣтствующихъ случаю рѣчей. Изъ нихъ нужно особенно отмѣтить рѣчи инспектора нар. училищъ В. Ѳ. Папкова, говорившаго по

разнымъ вопросамъ и главнымъ образомъ—по вопросу о важности религіознаго воздѣйствія и хорошаго примѣра на учащихся со стороны законоучителей, среди которыхъ въ этомъ отношеніи не послѣднее мѣсто занимаетъ и почтенный юбиляръ.

Это—краткое описаніе скромнаго, мѣстнаго торжества. Но этого, по моему мнѣнію, недостаточно: нужно сдѣлать выводъ, заключеніе; отгнать поучительную сторону этого малозамѣтнаго юбилея.

Всѣ мы живемъ, служимъ; стараемся (кто больше, кто меньше объ этомъ заботится) исполнять свои обязанности, приносить пользу.

Поймутъ-ли насъ, оцѣнятъ-ли,— не всѣ объ этомъ думаютъ и заботятся.

Но все-таки пріятно каждому должно быть, когда онъ видитъ, что труды, заботы и работы не пропадаютъ даромъ. Пріятно видѣть, что труды поняты и оцѣнены.

Такъ и въ этомъ случаѣ, при празднованіи этого юбилея. Многіе не только 25-тилѣтніе и 35-тилѣтніе, но даже и 50-тилѣтніе юбилеи проходятъ совершенно безслѣдно. Если такъ и бываетъ часто, то это не дѣлаетъ чести ни приходу, ни духовенству окружному.

Юбилей долженъ быть „событіемъ“ въ приходѣ и въ округѣ благочинническомъ.

Если-бы я сталъ говорить о томъ, что священникъ можетъ сдѣлать и дѣлаетъ, въ продолженіи даже только 25-ти лѣтъ; сколько онъ вынесетъ за это время нравственныхъ мукъ и терзаній душевныхъ во дни невзгодъ (у кого ихъ не бываетъ?); неурядицъ и различныхъ крупныхъ и мелкихъ недоразумѣній; сколько приходится ему, пастырю, страдать душою (разумѣю хорошаго, отзывчиваго на все священника) за нужды своихъ прихожанъ, при возможности помочь, по большей части, только словомъ утѣшенія (только словомъ, потому-что больше ему

нечѣмъ помочь); какъ много (за 25-ть лѣтъ) приходится ему раздѣлять чаще горе, чѣмъ радость, своихъ прихожанъ при различныхъ требоисправленіяхъ; сколько.. Но довольно!.. А много, много можно было-бы къ этому прибавить.

Въ заключеніе своей краткой статьи— корреспонденціи скажу: празднованіе юбилея о. Евгенія поучительно прежде всего въ томъ отношеніи, что здѣсь почтенъ не столько онъ самъ лично, сколько *вообще священникъ*. Уваженіе и почетъ со стороны прихожанъ за послѣднее время стали такъ рѣдки, что такой случай можно считать однимъ изъ пріятныхъ исключеній. Поэтому-то и нужно было сказать о немъ.

А если и въ будущемъ представятся такіе „исключительные случаи“, то имъ можно только порадоваться; лишь-бы это было вполне искренно, какъ, кажется, было и въ знаменательный для о. Евгенія день 25-го апрѣля.

Свящ. П. Масловъ.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЬ.

Плывутъ и млѣютъ въ отблескѣ заката
Въ вечерней тишинѣ лѣниво корабли!
Тамъ за селомъ, въ низинахъ, бѣлой ватой
Встаетъ туманъ—кажденіе земли!
Послѣдніе лучи играютъ въ окнахъ хаты
И шлють привѣтъ уставшимъ бѣднякамъ!
А я иду въ поля тревогою объятый
Иду къ послѣднимъ трепетнымъ лучамъ!
Просторъ полей отрадой въ душу вѣетъ!
И духъ плѣняются міра чудеса!
И такъ загадочно синѣютъ и темнѣютъ

Надъ мной святыя Божьи небеса!
Прощаетъ сердце всѣмъ напрасныя упреки
И жизни суета, ужъ не смущаетъ умъ!
Иду я по землѣ, но отъ земли далекій
Въ объятыхъ вѣчныхъ и великихъ думъ!

Николай Дворянинъ.

Кражи въ церквахъ:

1) *Пог. Ульяниной Горы, Бѣжецкаго уѣзда.* Въ церкви погоста Ульяниной Горы, Бѣжецкаго уѣзда, въ ночь съ 20 на 21 апрѣля, между 1—4 часами утра, неизвѣстными злоумышленниками произведенъ подломъ церкви, каковой обнаружилъ церковный сторожъ въ 5 часу. Злоумышленники, какъ оказалось при осмотрѣ, взломали при помощи осиноваго дерева и цинковыхъ тяжей оконную рѣшетку, проникли въ церковь и взломали старостинскую казенку, изъ которой похитили бывшія въ ней деньги, каковыхъ по подсчету оставалось 2 рубля серебряной монетой и рублей 15 мелкой размѣнной монетой. Похищенной оказалась хранившаяся въ казенкѣ старинная мѣдь (деньги, иконки, крестики), всего вѣсомъ фунтовъ пятнадцать. На мѣсто происшествія сейчасъ-же былъ вызванъ полицейскій урядникъ, церковный староста и понятые. По осмотрѣ былъ составленъ о происшедшемъ протоколъ и по начальству сообщено о принятіи мѣръ къ обнаруженію злоумышленниковъ. Подозрѣнія ни на кого нѣтъ. Послѣдній ночной обходъ сторожа былъ во второмъ часу ночи.

2) *Пог. Прилуки, Кашинскаго уѣзда.* Въ ночь съ 8-го на 9-е сего апрѣля въ церкви означеннаго погоста была произведена кража. Злоумышленники проникли въ церковь, отогнувъ деревянную вагою, при помощи веревки, желѣзную рѣшетку въ окнѣ алтаря холодной церкви съ

южной стороны. Проникнувъ же въ церковь, они, по до-
несенію настоятеля, взломали казенку, откуда похитили
около 5 рублей мѣдными разнѣнными деньгами, затѣмъ
при помощи долота или стамески вскрыли свѣчной ящикъ,
изъ котораго похитили 2 холста, около 40 полотенецъ,
около 10 платковъ, нѣсколько остатковъ холста, половину
 $\frac{1}{4}$ церковнаго вина и корзинку съ просфорами. Утварь-
же церковная вся осталась нетронутою. Кражу первый
обнаружилъ церковный сторожъ въ 6-мъ часу утра предъ
звономъ къ утрени. Подозрѣній ни накого не заявлено.
О случившемся немедленно было дано знать полиціи.

Содержаніе неоффициальной части: Памяти Архіепископа Анто-
нія.—Какъ долженъ быть проповѣдникъ трезвости.—Вознаграж-
денное смиреніе.—Стихотвореніе.—Кражи въ церквахъ.

Редакторъ священникъ М. Любскій.

Печатать дозволяется. 19 мая 1914 года. Цензоръ инспекторъ
семинаріи *Н. Оптлжскъ.*

Печатано въ Типографіи Н. М. Родіонова въ Твери, преемн. М. В. Блиновъ.
Трехсвятская улица, домъ В. М. Шиканова.